

ее марксистском направлении. Мало внимания уделено графу А. Толстому. А художник он весьма интересный. Не со всеми суждениями можно согласиться и в этих главах. Автор сравнивает настроения Б. Зайцева с «бледно-зелеными акварелями» Тургенева, от которых веет усталостью «довольно». Это не совсем так, и Львов-Рогачевский не доказал этого. Не уделил он должного внимания чеховским элементам в творчестве Зайцева, а они у него временами значительны. Рисуя Л. Андреева, как «Ивана Карамазова русской литературы» и увлекшись этой параллелью, автор не отменил и не подчеркнул анархистских моментов в творчестве художника и не дал фона тех общественных условий, среди которых вырос этот «художник колеблющихся слоев интеллигенции».

Отметим лишь дополнительную главу о группе символистов старшего и младшего поколений, об эгофутуристах, имажинистах и адамистах. Как и вся книга, эта глава может служить хорошим конспектом при изучении вопроса.

Валериан Полянский.

Е. ЛЕВИНЭ-НИССЕН. Отражение народных мнений о войне и мире в поэтическом творчестве народов. Петербург. Гос. Изд. Стр. 58. Цена 60 р.

Книжка погибшего за дело рабочей революции коммуниста Е. Левинэ-Ниссен, написанная, очевидно, во время империалистической бойни, ставит своей задачей доказать, что утверждение империалистов, будто человечество всегда не только воевало, но и любило воевать, представляет одну из обычных уловок господствующих классов—заставить трудящиеся массы таскать для них из огня каштаны, тогда как сами трудящиеся к войне относились совершенно отрицательно, как о том свидетельствует поэтическое творчество всех народов мира. Автор приводит очень многочисленные и подчас чрезвычайно колоритные цитаты из жизни индусов, греков, римлян, евреев, китайцев, германцев, французов, славян. На ряду с произведениями безусловно народными и «народными»

до известной степени, автор приводит и мнения о войне и мире поэтов и философов, не могущих считаться представителями именно трудящихся масс. Конечно, здесь есть пробелы. Например, говоря об Италии, автор ограничивается приведением нескольких пословиц против войны, можно было бы указать в этой главе, где говорится о Вольтере, на пьесу Гольдони «Война» с ее определенно-отрицательным отношением к войне; жаль, что не упомянуто великопное антимилитаристическое выступление Байрона в «Дон Жуане», и если цитировать Мирбо, почему умалчивать о Золя (от Contes à Ninon до «Разгрома» и «Труда»). Но, конечно, всего не процитируешь. Однако, если тема гласит: отражение народных мнений о войне в поэзии, то следовало ли приводить мнения писателей не народных, а если их цитировать, то не следовало ли бы в каждом отдельном случае выявить и причину их антивоенного настроения. Так, для примера, миролюбие Аристофана есть лишь другая сторона его вражды к афинской демократии с ее империалистической программой внешней политики. С другой же стороны, если воинственность достигла своего апогея в XIX в., если в этом повинен, как указывает автор, капитализм (в его новейшей стадии развития), то буржуазия не всегда была настроена в пользу войны, напротив, в период зарождения промышленно-капиталистического общества она грезилась о будущем, как о картине мирного труда и международного единения, а потому певцами мира были и ее философы и поэты (в XVIII и нач. XIX в.). Встречаются и утверждения едва ли правильные. «Слово о полку Игореве» едва ли можно истолковать, как антивоенную поэму, и если Игорь в ней порицается, то не за то, что он начал войну, а за то, что он начал ее сепаратно, как свое дело, тогда как, по мнению автора песни, она была делом национальным, в котором должны были участвовать все русские князья.

При всех указанных недостатках книжка Левинэ-Ниссена, живо написанная, представляет значительную ценность, как первая, если не ошибаюсь, сводка мнений о войне, запечатленных

в поэтическом творчестве всех наций и народов.

В. Фриче.

В. ЖИРМУНСКИЙ. Композиция лирических стихотворений. К-во «Спояз». Сборники по теории поэтического языка. Петербург, 1921. Стр. 112.

Целый ряд авторов, из которых немало людей достаточно серьезных—к таковым принадлежит и автор разбираемой книги, занят ныне разработкой вопросов поэтического языка, стиля, ритма и т. п. Но очень трудно сказать, можем ли мы теперь сделать что-нибудь кроме выяснения границ поставленных задач. Исследований много, материала, судя на глаз, переработано немало, читатель же почти всегда с одинаковым огорчением должен констатировать великую мизерность результатов, нисколько не совпадающую с весьма громоздким и с внешней стороны, казалось бы, очень ухищренно обставленным аппаратом исследователей. Есть тому и легко улавливаемые причины общего свойства. Несомненно, интерес к формальным сторонам словесного искусства был поднят символистами, их влияние еще не изжито в нашей области, пресловутая «утонченность», сводящаяся практически к выкапыванию и коллекционированию разного рода раритетов (к какой бы области таковые не относились), словесных фокусов и мыслительного жонглирования (неприятного тем, что оно ловко и до конца опустошает сущность обволакиваемого им явления или автора),—все это остается и живет кое у кого из современных исследователей. Развязный Шкловский опоен эстетизмом такого сорта и, кажется, безнадежно. Но этого нельзя сказать о Жирмунском: эстетизма у него мало, он существует в простейших формах и потому мало мешает. Книга Жирмунского—результат очень добросовестной работы, но вот вам цитата: «Над ритмом, как явлением фонетическим, и над синтаксисом стоит высший закон, который управляет и тем и другим. Это закон художественного упорядочения словесного материала, его композиционного построения,

которому одинаково подчиняются и фонетика и синтаксис. Композиционные формы лирического стихотворения определяются конкретными применениями этого закона». Этими словами заканчивается книга. Стоило ли «огород городить» для того, чтоб прийти к таким выводам? Да и выводы ли это,—конечно: это положения априорные, несомненно, бесспорные (хотя бесспорность эта в значительной степени обусловлена высокой общностью этих положений), вообще говоря, не противоречащие предложенному нам автором материалу, но и ни в какой степени его не поддерживающие. При таком положении вещей исследование разбивается на две, ничем не связанные части: материал и личные взгляды автора на природу поэтического языка. И если что на что действует, так, конечно, это скорей вторая часть на первую, а уж никак не первая на вторую, как бы оно полагалось в наукообразном сочинении. А в общем все представляет собой нечто весьма неупорядоченное. И мы вернемся к тому, с чего начали, спросив,—вина ли это авторов, метода или тех условий (главным образом, недостатка материала), в которых нам приходится работать? Всего бы удобнее свалить грех на условия... совесть только, пожалуй, замучает. Проф. Васильев в своей замечательной книге «Целое число», говоря об условиях писания книги, считает нужным указать, что вот-де он не привлекался к разгрузке дров, а все-таки книгу написал не так, как хотел бы. Конечно, не об этих условиях говорим здесь мы, а все ж полезно глянуть на «настоящих», всамделишных ученых, как вот эти-то таинственные люди оборачиваются. И нам представляется, что значительная доля вины за безрезультатность работ по поэтике должна быть отнесена на счет метода. Пока что, в ожидании светлого будущего, мы пробуемся описанием, к которому примешана твердая уверенность в аподиктичности наших презумпций в поэзии и меньшая уверенность в том, что формальная сторона поэзии автономна по отношению ко всем остальным сторонам той же поэзии, будь то содержание, либо, наконец, энигматическое энергетическое